

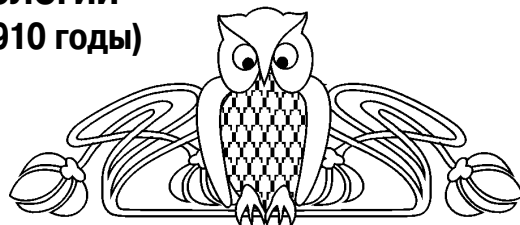
- ¹² Мецкерский В.П. Правда о Сербии. С. 20.
- ¹³ Купец пишет из своей лавочки на Нижегородской ярмарке: «Да когда же, Бога ради, мы вступимся за братьев посильнее да подействительнее». Там другой купец пишет из глуши Сибири: «Да нельзя ли всем верноподанным сказать царю, что мы готовы до последнего идти за веру, царя и отечество, куда и на кого царь велит». Тут священник дальнего прихода пишет: «Посылаю деньги и пожелания всех прихожан, чтобы Бог услышал наши молитвы – и повел нас в избавление братьев от гнета, скорби и печали». Здесь студент пишет: «Посылаю, что могу, пока сам не приеду в Сербию» (Мецкерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 20–21).
- ¹⁴ Константинов Ф.Т., Коренков А.М. Дружба испытанная временем. М., 1978. С. 33.
- ¹⁵ Цит. по.: Константинов Ф.Т., Коренков А.М. Дружба, испытанная временем. М., 1978. С. 34.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Мецкерский В.П. Правда о Сербии. СПб., 1877. С. 20.
- ¹⁸ «...жилось плохо: обозы отставали, припаса не было, табак выкурили, хлеб поели, а достать ничего нельзя. ... Появились раненые, забегали санитары с носилками, слышались стоны умирающих и все обширное пространство обратилось в какой-то ад». (Воспоминания стрелка. СПб., 1886. С. 14, 19.); «Двигались медленно, мы совершенно истощили наши запасы, а так как все окрестные деревни были разорены, то нельзя было достать ни хлеба, ни соли. Гвардия была в продолжение нескольких дней в таком же положении, ибо вследствие невылазной грязи, обозы и транспорты отстали». (Гусман. Описание действий летучих отрядов Общества Красного Креста в отряде генерала Гурко. СПб., 1878. С. 4); «Бессонные ночи с 18-го августа весьма утомительны. Наши траншеи не защищают от навесного огня, а для устройства блиндажей нет здесь материала. Большое количество убитых и раненных. Турецкие батареи действуют замечательно согласно, чего так не хватает нам...» (Пять месяцев на Шипке в 1877 году. (Из дневника офицера Подольского полка) // Военный сборник. 1883. № 4. С. 150–151).
- ¹⁹ В своих воспоминаниях А.А. Брусилов так описывал это время: «Трудно описать восторг, охвативший весь полк по получении этого известия (объявления войны. – С.К.). Радовались предстоящей новой и большинству незнакомой боевой деятельности (все почему-то уверовали, что без войны дело не обойдется); радовались неожиданному перерыву в однообразных ежедневных занятиях по расписанию; радовались, наконец, предстоящему, хотя бы и мирному походу, который заменял особо скучную до приторности штаб-квартирную казарменную жизнь. ... Впрочем, нужно правду сказать, что едва ли кто-либо был особенно воодушевлен мыслью идти драться за освобождение славян или кого бы то ни было, так как целью большинства была именно сама война, во время которой жизнь течет беззаботно, широко и живо...». (Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. С. 20–21.)
- ²⁰ Иловайский Д.И. Письма о русско-турецкой войне... С. 248.
- ²¹ Мартьянов Е.И. Мировоззрение народа и дух армии // Великая Россия: Сборник статей по военным и общественным вопросам: В 2 т. М., 1879. Т. 1. С. 11–12.
- ²² Воронич К.И. Изнанка Сербской войны. СПб., 1877. С. 20–21.
- ²³ «Нужно было задаваться одним из двух следующих вопросов: посылать ли на Балканы исключительно людей порядочных, способных к делу или каких попало? Если придерживаться первого правила, то следовало посылать только знающих службу, способных офицеров и людей трезвых... Если же задаться вторым вопросом, т.е. помочь просто количеством, то в таком случае посылать тысячами уже без разбора. Посылать же мало, да притом дурных, значит не достигать ни какой цели, что в сущности и было» (Воронич К.И. Изнанка Сербской войны. СПб., 1877. С. 23).
- ²⁴ Драгоманов М.П. Турки внутренние и внешние. Женева, 1876; Он же. Внутреннее рабство и война за освобождение. Женева, 1876; Он же. До чего довоевались. Женева, 1878.
- ²⁵ См.: Драгоманов М.П. Турки внутренние... С. 18.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 10.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же С. 14.

УДК 94(47).083

СТАНОВЛЕНИЕ МЕДИЦИНСКОЙ МИКРОБИОЛОГИИ В РОССИИ И ПРОБЛЕМА ХОЛЕРЫ (1885–1910 годы)

Д.В. Михель

Саратовский государственный университет,
кафедра истории Российской цивилизации
E-mail: dmitrymikhel@mail.ru

Статья посвящена истории становления медицинской микробиологии в царской России. С 1885 г. первые энтузиасты «микробной теории» в России при поддержке патронов науки начали развивать ее в Одессе и Санкт-Петербурге. Сформировался особый международный тип научной культуры, который был воплощен в

деятельности бактериологических лабораторий. К концу 1880-х гг. исследования микроорганизмов в России были еще далеки от интересов врачей. С начала 1890-х гг., когда по стране распространилась холерная эпидемия, она стала предметом беспокойства врачей, а первые российские микробиологи стали

исследовать такой объект, как холерный вибрион. В течение 1890-х гг. научная культура микробиологов почти не изменилась, а лаборатория оставалась главным местом их работы. Но с этого времени интерес ученых к медицинскому сообществу возрастал, поскольку они рассматривали его как главную научную аудиторию. В первое десятилетие XX в. микробиологи переключили свое внимание на новый тип работы. Они вышли за пределы лабораторий и включились в научные экспедиции по всей стране. Их риторика сконцентрировалась на такой традиционной для врачей проблеме, как необходимость «оздоровления России». В результате к 1910 г. микробиология получила доверие врачей, а сами ученые-микробиологи сумели занять ведущие позиции в российском медицинском сообществе. При этом бактериология трансформировалась в медицинскую микробиологию.

Ключевые слова: наука, бактериология, медицина, Россия, холера, Мечников, Гамалея, Заболотный, лаборатория, экспедиции.

The Formation of Medical Microbiology in Russia and the Problem of Cholera, 1885–1910

D.V. Mikhel

The article is devoted to the history of formation of medical microbiology in Tsarist Russia. Since 1885 the first enthusiasts of «germ theory» in Russia with supporting of science patrons began to develop it in Odessa and St. Petersburg. The particular international type of scientific culture, which was embodied in the activity of bacteriological laboratories, is formed, but it had the local peculiarities. The microorganisms' investigations in Russia at the end of 1880s were far from the interests of physicians. Since the early of 1890s the cholera epidemics spread in Russia and it was the subject of anxiety for physicians, and the first Russian microbiologists began seriously to investigate such object as a cholera Vibrio. During the 1890s the scientific culture of microbiologists has not almost changed and the lab was their main scientific work place. But since the time the interest of scientists to the medical community is raised, because they have been seen them as main science audience. During the first decade of XX century the microbiologists switched their attention to the new type of work. They began to act beyond the lab and to accomplish their expedition across the country. The main attention of their rhetoric is focused on such traditional problem for physicians as the importance of «healthing of Russia». In the result the «germ theory» found the confidence of physicians to 1910 and the microbiologists might to reserve the leader position within Russian medical community. The bacteriology was also transformed into medical microbiology.

Key words: science, bacteriology, medicine, Russia, cholera, Metchnikoff, Gamaleia, Zabolotnyi, laboratory, expeditions.

Известно, что возникновение «микробной теории» сопровождалось активным поиском ее основоположниками подходящих областей для применения этого нового знания. Довольно рано Л. Пастер, Р. Кох и их коллеги в других странах попытались предложить его врачам, вписав микробиологию в общую матрицу медицинского знания. Последнее привело не только к преобразованию медицины, но и к становлению новой дисциплины - медицинской микробиологии. Этот процесс потребовал от первого поколения микробиологов основательного изучения проблемы инфекционных болезней, обнаружения возбудителей, изучения способа их распространения в

природе и человеческих сообществах, а также разработки оригинальных способов борьбы с ними. В рамках этого процесса микробиологи, которые первоначально называли себя «бактериологами», широко изучали самые разные болезни, избегая так называемой специализации. И хотя некоторые из них иногда сосредотачивали свое внимание лишь на определенных болезнях, в целом они сохранили верность универсализму. На этом фоне такая болезнь, как холера, была способна надолго приковать к себе внимание многих «охотников за микробами». В некоторых странах, в особенности в России на рубеже XIX и XX вв., где она продолжала оставаться угрозой национального масштаба, интерес к холере почти не ослабевал. Представляется, что именно исследования холеры, как и исследования чумы в ту же эпоху, оказались способными существенно укрепить авторитет микробиологии, помочь самим микробиологам не просто установить союз с медиками, но и поставить их во главе медицинского сообщества.

В рамках этой статьи будет рассмотрено, как происходило становление медицинской микробиологии в России. С этой целью будет сосредоточено внимание на трех сюжетах: во-первых, что представлял собой процесс сближения микробиологии и медицины в целом; во-вторых, как развивались исследования холеры в самый ранний период становления микробиологии; в-третьих, что они представляли собой в более зрелый ее период, т.е. в первое десятилетие XX века.

Российская медицина и микробиология: пути к сближению

В первые годы своего существования «микробная теория» Пастера и Коха имела достаточно много противников среди врачей. Эта ситуация существовала не только на родине основателей микробиологии, но и за ее пределами, например, в Великобритании и США¹. На Западе «золотой век» микробиологии настал лишь в последние два десятилетия XIX в., когда отцы-основатели нашли новые научные аргументы (например, теория «вирулентности») в защиту своих воззрений², а также стали широко транслировать новые знания об этиологии инфекционных болезней через специальные журналы («Annales de l'Institut Pasteur», «Zentralblatt für Bakteriologie») и лекционные курсы для врачей³. Свою роль сыграли и политические обстоятельства, стимулировавшие в той или иной форме процесс сближения медицины и микробиологии. При этом в каждой стране для этого был найден свой собственный способ.

Б. Латур показывает, что во Франции Пастеру пришлось для этого использовать сложную стратегию убеждения врачебного сообщества, поскольку он не имел возможности апеллировать, например, к государству. Его «микробная теория» прежде всего пришлась по душе гигиенистам,

которые занимали наиболее уязвимые позиции среди французских медиков. Благодаря усвоению пастеровской «науки о микробах» французские гигиенисты сумели укрепить свой авторитет. Вслед за ними «пастеризации» подверглись военные и колониальные врачи, которым приходилось иметь дело не столько с отдельными пациентами, сколько с большими скоплениями людей. Лишь в последнюю очередь «наука Пастера» была воспринята практикующими врачами старой школы, которые рассчитывали благодаря этому сохранить свои лидирующие позиции в медицинской среде⁴.

В Германии успех Коха был продиктован его хорошими связями с правящей бюрократией. Однако сильные позиции Коха в Берлине оспаривались некоторыми гигиенистами в других регионах страны во главе с М. фон Петтенкофером, чей авторитет был весьма велик в 1860–1870-е гг. Борьба между Кохом и Петтенкофером стала ключевым эпизодом немецкого случая противостояния медицины и микробиологии. Характерно, что главным камнем преткновения между двумя великими немцами стала холера. После того как в 1883 г. сначала в Египте, а затем в Индии Кох открыл микробного возбудителя холеры, завязалось его знаменитое противостояние с Петтенкофером. В 1885 г. на второй Берлинской конференции они имели возможность лично противопоставить друг другу свои учения, после чего приступили к обмену критическими замечаниями в печатном виде. Апогей этого противостояния был достигнут в 1893 г., когда Петтенкофер для защиты своей точки зрения на причины холерных эпидемий прибегнул к знаменитому эксперименту над собой, выпив холерную культуру из берлинской лаборатории Коха. Однако эпидемия в Гамбурге 1892 г. и последующее принятие в 1900 г. германского закона об эпидемиях, написанного в духе идей Коха, утвердило решающую роль микробиологии в германской системе здравоохранения⁵.

В России путь к сближению медицины и микробиологии также был долгим. Так, в самые первые годы возникновения бактериологических лабораторий в Российской империи ученые-микробиологи имели во многом ситуативные связи с врачами. Лаборатории работали в интересах целого ряда патронов – от местных властей до местных помещиков, а самим исследователям приходилось сосредоточиваться как на профилактике болезней человека, так и болезней животных⁶. Врачи – как клиницисты, так и гигиенисты – плохо видели, чем им может быть полезна новая область знания, а при их огромной профессиональной загруженности едва ли могли найти достаточно времени для серьезного ознакомления с «микробной теорией».

При этом лекции по бактериологии для врачей читались крайне редко. Например, Мечников в марте 1886 г., когда еще только велась работа по открытию Одесской лаборатории, прочитал всего три лекции о природе микробов – да и то для

одесской публики⁷, а затем ввиду угрозы холерной эпидемии в том же году – еще один короткий курс для врачей⁸. Этим дело и ограничилось. В других местах России, кроме Санкт-Петербурга, во второй половине 1880-х гг. бактериологические курсы для врачей также отсутствовали. Впрочем, их отсутствие отчасти компенсировалось специальными публикациями. Так, в 1885 г. в Петербурге приват-доцент Военно-медицинской академии Л.Л. Гейденрейх опубликовал книгу по бактериологии для врачей, естествоиспытателей, ветеринаров и студентов⁹. В 1886 г. в Москве вышла в свет книга А.И. Войтова¹⁰, за которой последовали статьи некоторых других ученых¹¹.

В главном центре медицинской науки России – в Санкт-Петербурге – налаживание союза между микробиологией и медициной растянулось вплоть до самого конца XIX в. Так, в Военно-медицинской академии после выхода там в свет книги Гейденрейха еще почти целое десятилетие ничего не было сделано для упрочения позиций нового знания, но и потом микробиология оставалась там сферой теоретических исследований. В 1894 г. директор академии физиолог В.В. Пашутин добился у военного министра открытия кафедры бактериологии с клиникой инфекционных болезней, но кафедру в итоге возглавил наименее подходящий для этих целей кандидат – С.С. Боткин, сын знаменитого терапевта С.П. Боткина, и его в 1898 г. на этом месте сменил Н.Я. Чистович. Что касается таких сильных кандидатур, как Н.Ф. Гамалея и И.Ф. Рапчевский, то они не были восприняты всерьез руководством академии. В Институте экспериментальной медицины, где после отказа Мечникова возглавить его, укрепились позиции физиологии, бактериологическая наука также была преимущественно областью «чистой теории», и эту ситуацию не могли исправить ни С.Н. Виноградский, ни молодой Д.К. Заболотный, который появился там в самом конце 1890-х гг. Еще один очаг бактериологических исследований находился в стенах Института усовершенствования врачей имени княгини Елены Павловны, где с 1884 г. в должность профессора вступил один из учеников Мечникова М.И. Афанасьев. Во второй половине 1880-х гг. он пытался наладить чтение курсов по бактериологии для врачей, но с возникновением Института экспериментальной медицины и его научного филиала в Чумном форте в Кронштадте, где В.И. Исаев начал читать курсы для судебных медиков, военных врачей и медицинских инспекторов, работа Афанасьева прервалась. Лишь в 1898 г. был сделан решающий шаг. Его предпринял Заболотный, которому удалось открыть самостоятельную кафедру медицинской микробиологии в стенах Женского медицинского института в Санкт-Петербурге¹². И хотя официальный статус этого института был ниже других столичных центров, именно там связь между микробиологией и медициной была налажена наиболее сильно. Это событие также

повлияло на то, что медицинская микробиология XX в. в России стала наукой весьма привлекательной для женщин.

Уязвимость позиций микробиологии перед всемогущей государственной бюрократией в Санкт-Петербурге сделала этот род знаний отчасти подозрительным для провинциальной медицинской общественности, которая, как показывает Н. Фриден, на протяжении последней трети XIX в. становилась все более радикальной общественной группой, критически настроенной по отношению к столичной медицинской элите¹³. Пробуждение интереса медиков к микробиологии в Москве было положено работой А.И. Войтова 1886 г., который в 1890 г. также защитил диссертацию по противооспенным вакцинациям. Войтов и его научный патрон профессор гистологии А.И. Бабухин в январе 1887 г. во время II Пироговского съезда в Москве устроили также выставку бактериологической техники, с которой могли ознакомиться приехавшие на съезд врачи – около 1300 человек, преимущественно земские и городские доктора со всей России¹⁴. Однако именно на этом съезде случился эпизод, который породил препятствие на пути сближения медицины и микробиологии. Когда на съезде стал обсуждаться вопрос о значении профилактических вакцин против бешенства, среди врачей раздалось суждение о том, что статистические данные на этот счет могут быть сомнительными. В спор ввязался Мечников, который, сочетая энтузиазм и вопиющую бестактность, перед лицом почти 1300 врачей стал доказывать, что отныне каждый врач, включая профессора гигиены, должен спешить ознакомиться с передовой наукой о микробах. В ответ на это лидер российских врачей-общественников Ф.Ф. Эрисман выступил со своей знаменитой речью «Значение бактериологии для современной гигиены», в которой заявил, что в реальной санитарной работе против эпидемий ценность бактериологических знаний пренебрежимо мала¹⁵. Тем самым шансы на признание микробиологии врачами-общественниками в России резко снизились.

Два года спустя, в январе 1889 г., в Санкт-Петербурге состоялся III Пироговский съезд. На нем вновь была сделана заявка представить врачам информацию о развитии микробиологии. Но она была не вполне удачной. Самостоятельной секции бактериологии на съезде так и не было, и микробиологи во главе с Афанасьевым обсуждали свои вопросы в рамках секции внутренних болезней¹⁶.

Тем не менее шаг к сближению медицины и микробиологии был сделан именно в Москве, где ее продвижению в Московском университете способствовал Войтов, а также терапевт Г.И. Захарьин, известный при этом своим консерватизмом. При его патронаже в терапевтической клинике университета была открыта бактериологическая лаборатория, а Войтов с 1892 г. начал читать курс

по бактериологии для врачей. После неожиданной смерти Войтова чтение этого курса в клинике Захарьина прекращается, но тут же возобновляется – на этот раз в клинике профессора Черинова, где его читает Г.Н. Габричевский – главное действующее лицо в истории сближения медицины и микробиологии за пределами Санкт-Петербурга в 1890-е гг. Габричевский был бактериологом-самоучкой и он не был связан с западными школами микробиологии, влияние которых на общественную медицину в России было небесспорным. Кроме того, он был врачом-патологом и, занимаясь бактериологией, искал, чем она может быть полезной для клинической медицины. На этом пути им были сделаны большие успехи. Так, в январе 1895 г. в клинике профессора Филатова при Московском университете он удачно вылечил детей от дифтерии, используя для этого сыворотку, изготовленную на собственные средства. Когда в 1895 г. в стенах Московского университета им был открыт Бактериологический институт, там не только начали производить сыворотку против дифтерии, столбняка и стрептококковой инфекции, но и стали читать лекционные курсы для врачей из всей Центральной России, что сделало Москву главным центром распространения «микробной теории» среди русских врачей-общественников. В 1902 г. на VIII Пироговском съезде в Москве под влиянием Габричевского бактериология была выделена в отдельную секцию, что означало ее полное признание со стороны российской общественной медицины¹⁷.

Окончательная точка в процессе сближения микробиологии и медицины была поставлена опять-таки Габричевским. Встав во главе Пироговского общества врачей, он в 1903 г. был направлен Обществом в качестве главы Малярийной комиссии на юг страны для проведения там исследований по состоянию общественного здоровья. Представленный им в результате отчет нес в себе сильные политические интерпретации. В частности, Габричевский дал самую высокую оценку деятельности местных земских санитарных организаций и указал на необходимость создания земских медицинских учреждений на Кавказе и в Средней Азии, где их не было, при том что там свирепствовала малярия¹⁸. Значение выводов Малярийной комиссии было тем актуальнее для русских врачей, что они были полной противоположностью результатам созданной в 1897 г. в столице Противочумной комиссии, работа которой в 1903 г. привела к принятию правительством знаменитых «Холерных правил»¹⁹, оставивших под вопрос работу всей российской общественной медицины ввиду угрозы холеры и чумы. Как считает Хатчинсон, именно работа Габричевского в малярийной комиссии привела к окончательному сближению русских врачей и микробиологов, а заодно и превращению российской микробиологии из политически нейтральной в политически революционную силу²⁰.

В итоге петербургский путь от микробиологии к медицине, проторенный Заболотным, и в особенности московская стратегия, избранная Габричевским, привели к установлению долгожданного союза²¹. Российские микробиологи не просто соединились с врачами, но и возглавили их профессиональное сообщество, что стало вполне очевидным в годы революции 1905 г., когда они выступили с радикальных политических позиций²². Этот союз позволил микробиологии выступить не только в качестве экспертного знания, полезного для организации охраны государственных границ от заноса эпидемий, но и в качестве необходимой части практического медицинского мышления, направленного на охрану общественного здоровья.

Бактериологические исследования холеры в 1880–1890-е гг.

В первые годы своего становления микробиология находилась под сильным влиянием идей ее основоположников – Пастера и Коха. Объекты и методы исследований, научные интерпретации, даже сам материал для изучения, как правило, имели «французское» или «германское» происхождение. Неудивительно поэтому, что во второй половине 1880-х гг., когда микробиология стала зарождаться в России, эта тенденция проявила себя и здесь. Вместе с тем возникла и некоторая динамика, связанная с тем, что, по крайней мере, некоторый материал, с которым работали исследователи в лабораториях, имел местное происхождение. В результате открылось поле для новых, оригинальных представлений, которые пришлось сопоставлять с «ортодоксальными», двигаясь тем самым по собственному пути, неизбежному для всякой локальной научной традиции.

Так, в конце 1880-х гг. ученые Одесской бактериологической лаборатории взялись за исследования «куриной холеры» - проблемы, которая была стандартной для Пастеровского института в Париже. Гамалея, которому здесь принадлежала заглавная роль, попытался связать свои исследования с интересами местных птицепроизводителей, трактуя свою работу как актуальную не только для мировой науки, но и для местных экономических интересов. В 1888 г. занявшись болезнями одесского птичьего рынка, Гамалея указал на то, что куриная холера является одной из важнейших угроз для местных держателей птицеводств²³. Кроме того, он начал рекомендовать местным сельхозхозяйственным обществам использовать куриную холеру как биологическое средство борьбы с сусликами, следуя здесь отдельным идеям Мечникова, касающимся биологической войны с хлебным жуком, и Пастера - в отношении истребления кроликов в Австралии, доказывая также, что этот метод совершенно безвреден²⁴.

Интенсивная научная работа Гамалеи в 1888 г., которая велась как в Одессе, так и в Париже у Пастера, вынудила его более основательно овладеть пастеровской техникой ослабления («аттенуации») и усиления холерной инфекции. Проводя («пассируя») холерную инфекцию через все более крупных животных – цыплят, морских свинок, голубей, кур, а затем собак, он глубоко проник в суть пастеровской проблематики варьирования ядовитости («вирулентности») бактерий, а вместе с этим и в вопрос о том, какими путями в природе сохраняется и распространяется заразная болезнь. Однако пастеровский стиль мышления, который он вполне усвоил, неизбежно столкнулся у него с германским, коховским стилем мысли, поскольку и коховский взгляд на этиологию холерной болезни также имел статус ортодоксального. В частности, как известно, Кох утверждал, что у каждой болезни существует свой собственный возбудитель, а именно: у куриной холеры – свой, у человеческой – свой. В этой связи Гамалея, как прилежный микробиолог, обратился к изучению возбудителя куриной холеры, которому он присвоил имя «вибриона Мечникова» (*Vibrio metchnikovii*). На несколько лет – с 1888 по 1892 г. – вопрос о родстве «вибриона Мечникова» и коховского вибриона «азиатской холеры» стал для него сферой наиболее актуальных исследований, но также и поводом для противоречивых выводов. Так, Гамалея то и дело вынужден был подчеркивать тему различия двух видов микроорганизмов, но при этом ему пришлось констатировать, что между ними существует безусловное сходство – в морфологическом и биологическом плане²⁵. Примечательно, что возвратившись к этому вопросу в 1921 г., он все еще вынужден был колебаться в своих оценках сходства и различий между этими двумя вибрионами²⁶. В сущности, коховский взгляд на неизменность видов, вызывающих возникновение инфекционных болезней²⁷, столкнулся у Гамалеи с противоположной мыслью, о возможности трансформации микробов в ходе «пассирования» через крупных животных. Не помышляя о том, чтобы в ходе этих переживаний превратить возбудителя «куриной холеры» в возбудителя холеры человека, Гамалея тем не менее допустил мысль о том, что куриная холера, которую он начал изучать в 1888 г. в Одессе, была угасшей формой индийской холеры, некогда проникшей в город²⁸.

В 1893 г. в своей докторской диссертации по этиологии холеры, подготовленной в стенах Петербургской военно-медицинской академии, Гамалея уже предстал как совершенно зрелый ученый, способный высказывать критические суждения в адрес одного из отцов-основателей бактериологии. Так, он обозначил слабые стороны позиции Коха, чей авторитет был весьма высок в петербургских научно-медицинских кругах, показав, что тот и сам был непоследователен в своем подходе к холере, в частности, не добившись

экспериментального воспроизводства холеры в лабораторных условиях²⁹. Вступая в своей диссертации в полемику с представителями школы Коха, Гамалея указывал на новизну полученных им самим экспериментальных данных, прежде всего на тот факт, что холерные бактерии могут встречаться «во многих разновидностях», оказывая в разных условиях разный эффект – нейтральный, слабый и убийственный, а сама «холерная запятая не может считаться прочным, вполне установившимся ботаническим видом»³⁰. Придерживаясь пастеровской точки зрения, Гамалея обрисовал вопрос о патогенезе холерного процесса, резюмируя при этом, что варьирование ядовитости вибрионов объясняет этиологические и эпидемиологические особенности холеры³¹.

Практика варьирования вирулентности холерного вибриона, в частности ослабление его токсического воздействия, давала шанс на возможность вакцинации против холерной болезни. Гамалея уделил внимание этой теме еще в 1889 г.³², однако новый шаг в ее развитии был сделан не им, а его более молодыми товарищами Д.К. Заболотным и И.Г. Савченко, которые провели свои знаменитые исследования по иммунизации против холеры в киевской лаборатории профессора В.В. Подвысоцкого. В апреле–мае 1893 г. Заболотный и Савченко осуществили на себе оральную вакцинацию ослабленных холерных культур, а затем подвергли себя заражению холерой и успешно перенесли болезнь. Их рискованный опыт получил широкую огласку в научных кругах, но, кроме того, привел к новым интересным открытиям. В частности, Заболотный обратил внимание на то, что в испражнениях выздоровевшего человека еще долго могут сохраняться опасные для окружающих холерные вибрионы³³. Подчеркивая значение этого открытия, Заболотный указывал на то, что международное научное сообщество еще в 1911 г. не смогло оценить его в должной степени³⁴. Вместе с тем идея бактерионосительства выздоровевшими людьми, конечно, была знакомой специалистам: в 1900 г. в Нью-Йорке был выявлен случай с бактерионосительством брюшного тифа, получивший широкую огласку как «история тифозной Мери»³⁵.

Новая волна холерных эпидемий, докатившаяся до Европы в 1892 г., вызвала новый рост интереса специалистов к холере. Свой вклад в ее изучение внесли и российские исследователи. При этом Мечников большую часть своих работ публиковал во Франции, «вписав» проблематику холеры в область своих традиционных иммунологических интересов³⁶. Гамалея, который в это время курсировал между Петербургом, Киевом и Европой, сделал акцент на выяснении вопроса о выживании холерного вибриона в условиях открытых водоемов. Пытаясь определить сроки существования холеры, он в то же время рассмотрел вопросы о влиянии сухости и влажности на жизнь вибрионов³⁷. Заболотный в этот период публикует работы, материалы для которых были

собраны за несколько лет до этого, в бытность его сотрудником Одесской лаборатории у П.Н. Дятроптова. В том числе выходит в свет его статья о санитарной оценке городских полей орошения в Одессе, в которой он пишет о длительной выживаемости холерного вибриона в сточной воде и лабораторных оценках этого факта³⁸.

На фоне огромного числа работ о холере, выполненных в те годы российскими врачами-гигиенистами и участковыми земскими докторами, принимавшими участие в борьбе с эпидемией, эти редкие тексты молодых российских микробиологов были почти незаметны. Вопросы, поставленные в них, порой были слишком узкими и «теоретическими», и, если взять, например, случай с диссертацией Гамалеи, весьма далекими от практических нужд российской общественной медицины. Однако первые российские микробиологи открыли для себя возможность двинуться навстречу текущим нуждам медицины, расширив свою исследовательскую проблематику. Постановка вопросов эпидемиологического характера, прежде всего о способах передачи холеры от человека к человеку, сделала их работу более открытой для медицинского сообщества. Неудивительно поэтому, что в 1896 г. Заболотный после своего возвращения из Подольской губернии, где он работал простым врачом, опубликовал текст, который по своему содержанию мало отличался от работ, написанных другими врачами. Подобно большинству российских гигиенистов, следовавших идеям Эрисмана, Заболотный написал о необходимости проведения мероприятий по очищению водоемов, о недопущении загрязнения общественных колодцев и ведении просветительской работы с населением. Однако – и это было принципиально – Заболотный указал и на задачи микробиологии в санитарно-медицинской работе: «бактериолог должен в данной местности возможно ранее констатировать первые случаи эпидемических заболеваний; он должен дать фактические основания для выяснения той или иной особенности в течении и развитии заболеваний в данной местности»³⁹. Представляя микробиологию как союзницу общественной медицины, Заболотный одним из первых среди российских бактериологов конца XIX в. двигался по пути сближения научного знания и медицинской практики.

Российская микробиология перед лицом холерных эпидемий начала XX века

Обращение российских микробиологов к эпидемиологическим и гигиеническим вопросам холеры стало еще более явным в первое десятилетие XX в. После того, как в 1904 г. очередная холерная эпидемия обрушилась на территории Европейской России, некоторые специалисты начали готовиться к еще более худшим последствиям. В мае 1905 г. в Одессе Гамалея опубликовал свою большую

работу «Холера и борьба с нею». При этом за один и тот же год вышли два ее переиздания, что говорило о решимости автора донести свои взгляды до читательской аудитории. Состоявшая из 12 глав, работа включала в себя обзор истории пяти холерных пандемий, начиная с 1817 г., и представляла широкое введение в новейшую историю шестой пандемии, начавшуюся, по данным автора, в 1902 г. в Индии. Кроме того, Гамалея предлагал основные выводы по холерной эпидемиологии, формулировал законы распространения холерных эпидемий и лишь после этого переходил к вопросам бактериологии «азиатской холеры». Однако на этот раз его бактериологические интерпретации явно составляли наименьшую часть всей книги. От проблем бактериологии он вновь возвращался к вопросам практической борьбы с холерой, обсуждал задачи гигиенического характера и даже касался вопросов политики, в частности поддерживая главные резолюции Пироговского холерного съезда марта 1905 г.⁴⁰

В своих «Воспоминаниях» он напоминал о том, что в августе 1904 г. вместе с одесским градоначальником графом П.П. Шуваловым он изучал эпидемиологическую обстановку в Закавказье, куда был командирован российским правительством. После окончания экспедиции Гамалея представил Шувалову свой план борьбы с холерой, трактуя его как «задачу по оздоровлению» российских городов. Придерживаясь уже сложившихся бактериологических воззрений о преимущественно водных способах распространения холеры, он предложил вместо бесполезных карантинных мероприятий в больших городах, наладить канализацию и водопровод. К числу наиболее угрожаемых мест им были отнесены Эривань, Баку, Тифлис, Дербент, Екатеринослав, Ростов-на-Дону и поволжские города от Астрахани до Самары. Как сообщает Гамалея, этот план был представлен министру внутренних дел П.Н. Дурново, который при поддержке придворных медиков отверг его⁴¹. Дальнейшая работа Гамалеи была продолжена в Одессе, где он стал свидетелем короткой вспышки холеры в сентябре 1904 г., а затем великого холерного четырехлетия 1907–1910 гг., охватившего всю Россию.

В этот период времени в научной работе Гамалеи преобладали преимущественно гигиенические интерпретации. Последнее неудивительно. Сформулировав для себя ясные бактериологические и эпидемиологические взгляды на причины распространения болезни, Гамалея далее мог только надеяться на то, что власти услышат его рекомендации по «оздоровлению», которые, в сущности, повторяли давно известные гигиенические программы Э. Чедвика и Дж. Саймона. Отсюда его язвительные замечания по поводу невежества, которое процветало даже среди петербургских гигиенистов и бактериологов во время эпидемии 1908 г. «На первый план выдвигалась

прямая передача холерных бактерий от человека к человеку или же через посредство различных предметов; вода же занимала второе место... Многие компетентные лица выдвинули лозунг – “долой рукопожатия”. Был даже изготовлен значок с соответствующей надписью»⁴².

В 1910 г. на исходе затянувшейся эпидемии он вновь и вновь ставил вопрос о гигиенических улучшениях, который во многом был уже вопросом политического свойства. «Мы видим, что холерный сфинкс давно разгадан и что холера принадлежит к устранимым бедствиям... Более того, устранение холеры достигается по пути той самой ассенизации, которая необходима для сокращения общей смертности, избавления от брюшного тифа и туберкулеза и даже ради элементарной опрятности. Ассенизация требует больших затрат. Но эти затраты не покажутся чрезмерными тому, кто думает, от какой массы ежедневного несчастья и постоянных страданий они избавят население, сделавши, кроме того, излишним все столь дорогие и бесполезные экстренные мероприятия против холеры»⁴³.

С Гамалеей были солидарны и другие крупнейшие российские микробиологи. В 1907 г. в «Русских ведомостях» была опубликована статья Мечникова, также акцентирующая внимание на проблемах гигиенических мер против холеры. Через год она была переиздана в расширенной версии отдельным изданием⁴⁴. Заболотный, который в этот период времени выдвинулся на ведущие позиции в российской микробиологии и эпидемиологии, также сделал акцент на критике предпринятых властями мер предупреждения холеры. «Эпидемия застала нашу родину мало-подготовленной в санитарном отношении и благодаря этому достигла значительного развития». При этом он указал и на то, что не проводилось никакого санитарного благоустройства городов, в особенности поволжских, которые продолжали служить «воротами для прохождения холеры в Россию»⁴⁵.

Однако главный акцент, как и Гамалея, Заболотный сделал на ситуации в российской столице. Петербургскому случаю он посвятил целую книгу, в которой подробно проанализировал данные, представленные четырьмя бактериологическими лабораториями. В частности, Заболотный сделал вывод о том, что в ослабленном виде холерный вибрион присутствовал в петербургской воде и в организмах многих жителей города еще до официального начала эпидемии. Обсудив далее традиционные для микробиологии вопросы о морфологии холерного вибриона и о способах его диагностики, он специально перешел к вопросу о качестве петербургской воды и ее эпидемиологическом значении. В финале книги Заболотный рассмотрел и вопрос о роли контактов между людьми для распространения эпидемии. В этом пункте он разошелся с Гамалеей, придав контактам большее значение, чем его коллега.

Однако в рекомендательной части исследования Заболотный вновь вернулся к общей для всех исследователей идее – о необходимости проведения широких гигиенических мероприятий в соединении с обстоятельной бактериологической работой⁴⁶.

Н.Н. Клодницкий, который приобрел свои познания в микробиологии в Санкт-Петербурге, Париже и Германии, входил в число ведущих исследователей своего времени. Его работа в Астраханской лаборатории, а затем командировка на холерную эпидемию 1907 г. в Самару⁴⁷ оставили важный след в сфере экспериментальных исследований. Тем не менее, как и другие его коллеги, главный акцент в этот период он также поставил на необходимости проведения гигиенической работы. «Здесь в Поволжье нужны смелые санитарные мероприятия в значительной мере общегосударственного значения. По поводу профилактики скажу, что нельзя сидеть сложа руки в ожидании культурного подъема, а лучше отдать дело в руки бактериолога, чем генерала... Санитарное благоустройство представляет самый лучший и действительный способ страхования государства от громадной гибели жизней и материальных затрат и избавит нас от унижительного зрелища жалкой растерянности или беспомощности, какое производят все эти сообщения о вспышках в разных местах России и принимаемых “экстренных мерах”»,⁴⁸.

Акцент на необходимости осуществления гигиенических мер для предотвращения холеры делался и другими микробиологами. Ученик Заболотного В.А. Таранухин высказал это относительно Самары⁴⁹, а другие его коллеги и помощники – С.И. Златогоров и Г.С. Кулеша для Петербурга, Саратова, Царицына и, кроме того, для персидских городов, где находились русские колонии⁵⁰.

В целом этот выход российской медицинской микробиологии за пределы лаборатории и превращение микробиологами в свою новую лабораторию огромной части Российской империи были вполне характерным явлением и для западной науки⁵¹. В дисциплинарном плане это совпало с рождением новой области знания – эпидемиологии, которая выступила здесь в качестве «младшей сестры» бактериологии. Социальным последствием этого шага было выдвижение микробиологов на ведущие позиции в медицинском сообществе, что наиболее полно проявилось в ранний советский период, когда небольшая группа бактериологов, эпидемиологов и гигиенистов, таких, как Гамалея, Заболотный, Клодницкий и др. образовала руководящую элиту советского здравоохранения.

Проблема холеры в контексте медико-микробиологических исследований на рубеже XIX и XX вв. занимала важное место. После

того, как в 1880 г. Пастер занялся профилактикой холероподобных заболеваний у домашней птицы, и особенно после 1883 г., когда Кох в Египте открыл вибрион человеческой холеры, вопрос об этиологии и эпидемиологии этой болезни не покидал внимания специалистов. В эпоху очередного холерного кризиса 1890-х гг. микробиологи всех стран получили новые знания о холерной болезни. В России, где становление медицинской микробиологии шло особенно непросто, исследования холеры, выполняемые в условиях первых бактериологических лабораторий, постепенно были вынесены за их пределы. Перелом наступил в период новой холерной пандемии, пришедшей в Европейскую Россию в 1904 г. Российские микробиологи стали активно предлагать гигиенические меры по улучшению ситуации, что не могло не вызвать поддержки общественных врачей, следовавших той же стратегии уже несколько десятилетий. В условиях политического кризиса 1905 г. холера была не только еще одним штрихом к картине общего неблагополучия царской империи, но и важным поводом для сближения медицины и бактериологии и становления медицинской микробиологии как особой научной дисциплины.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант № 08-03-00070a).

Примечания

- 1 См.: *Stevenson L.G.* Science dawn the Drain // *Bul. of the History of Medicine.* 1955. Vol. 29. P. 1–26; *Richmond P.A.* American Attitudes toward the Germ Theory of Disease, 1860–1880 // *J. History of Medicine and Allied Sciences.* 1954. Vol. 9. P. 428–454.
- 2 См.: *Amsterdamska O.* Medical and Biological Constraints: Early Research on Variation in Bacteriology // *Social Studies of Science.* 1987. Vol. 17(4). P. 657–687; *Mendelsohn A.J.* «Like All That Lives»: Biology, Medicine and Bacteria in the Age of Pasteur and Koch // *History and Philosophy of the Life Sciences.* 2002. Vol. 24(1). P. 3–36.
- 3 См.: *Яковенко Е.* Курсы врачей в Берлине. Бактериологические курсы в Коховском Институте // *Русский врач.* 1904. № 2. С. 51–53.
- 4 См.: *Latour B.* The Pasteurization of France. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.
- 5 См.: *Гамалея Н.Ф.* Холера и борьба с нею // *Собр. соч.: В 6 т. Т. 1.* М.: Изд-во АМН СССР, 1956. С. 162–163; *Hays J.* The Burden of Disease: Epidemics and Human Response in Western History. New Brunswick: Rutgers University Press, 2000. P. 150–153; *Evans R.* Death in Hamburg: Society and Politics in the Cholera Years, 1830–1910. Oxford: Oxford University Press, 1987.
- 6 См.: *Хектен Э.* Наука в местном контексте: интересы, идентичности и знание в построении российской бактериологии // *Вопросы истории естествознания и техники.* 2001. № 3. С. 36–62; *Hachten E.A.* In Service to Science and Society: Scientists and the Public in Late-

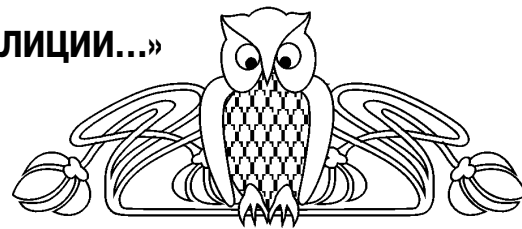
- Nineteenth-Century Russia // *Osiris*, 2nd Series. 2002. Vol.17. Science and Civil Society. P.171–209.
- 7 См.: Мечников И.И. Общий очерк бактерий (15 марта 1886) // Академ. собр. соч.: В 16 т. Т. 9. М.: Изд-во АМН СССР, 1955. С. 9–23; *Он же*. Борьба с бактериями (27 марта 1886) // Там же. С. 24–34; *Он же*. О бактериях // Одесский вестник. 1886. 23 марта.
 - 8 См.: Гамалея Н.Ф. Воспоминания // Собр. соч.: В 6 т. Т. 5. М.: Изд-во АМН СССР, 1953. С. 50.
 - 9 См.: Гейденрейх Л.Л. Методы исследования низших организмов. СПб.: Изд-во К. Риккера, 1885.
 - 10 См.: Войтов А.И. Методы исследования патогенных микроорганизмов. М.: Изд-во А.А. Карцева, 1886.
 - 11 См.: Скороходов Л.С. Материалы по истории медицинской микробиологии в дореволюционной России. М.: Медгиз, 1948. С. 180–199.
 - 12 См.: Гиммельфарб Я.К., Гродский К.М. Д.К. Заболотный, 1866–1929. М.: Гос. изд-во мед. лит-ры, 1958. См. также: Скороходов Л.С. Указ. соч. С. 200–210; *Hutchinson J.F.* Tsarist Russia and the Bacteriological Revolution // *J. of the History of Medicine and the Allied Sciences*. 1985. Vol. 40(4). P. 425–427.
 - 13 См.: *Frieden N.M.* Russian Physicians in an Era of Reform and Revolution, 1856–1905. Princeton: Princeton University Press, 1981.
 - 14 См.: Труды II съезда русских врачей в Москве: В 2 т. М.: Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова, 1887.
 - 15 См.: Мечников И.И. По поводу речи профессора Эрисмана «Значение бактериологии для современной гигиены» // Академ. собр. соч.: В 16 т. Т. 9. С. 35–42. См. также: Беляков В.Д. Дискуссия И.И. Мечникова с Ф.Ф. Эрисманом: отражение эпохи в медицинской науке и общественном здравоохранении второй половины XIX века // Журн. микробиол., эпидемиол. и иммунобиол. 1995. № 3. С. 5–11.
 - 16 См.: Скороходов Л.С. Указ. соч. С. 180.
 - 17 Там же. С. 212–214; *Hutchinson J.F.* Op. cit. P.431–433. См. также: VIII Пироговский съезд врачей. М.: Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова, 1902. Вып.1–6.
 - 18 См.: *Frieden N.M.* Op. cit. P. 241.
 - 19 См.: Высочайше утвержденные 11 августа 1903 г. правила о принятии мер к прекращению холеры и чумы при появлении их внутри Империи // Прибавление 1-е к Своду правительственных распоряжений по принятию мер против заноса и распространения холеры и чумы внутри Империи и по сухопутным и морским границам. СПб.: МВД, 1904. С. 3–9 и др.
 - 20 См.: *Hutchinson J.F.* Politics and Public Health in Revolutionary Russia, 1890–1918. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1990. P.36–37.
 - 21 Был также проложен и одесский путь от микробиологии к медицине. В 1899 г. Н.Ф. Гамалея открыл в Одессе собственный бактериологический институт и начал там читать лекции для врачей. См.: Гамалея Н.Ф. Основы общей бактериологии // Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. М.: Изд-во АМН СССР, 1960. С. 15–96.
 - 22 См.: *Frieden N.M.* Op. cit. P. 231–322; *Hutchinson J.F.* Politics and Public Health in Revolutionary Russia. P. 37–38. См. также: Булгакова Л.А. Медицина и политика: съезды врачей в контексте русской политической жизни // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х гг.: Материалы Междунар. науч. colloквиума. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 213–235.
 - 23 См.: Гамалея Н.Ф. О некоторых заразных болезнях одесского птичьего рынка // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 281–283.
 - 24 См.: Гамалея Н.Ф. Об истреблении сусликов бактериями куриной холеры // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 284–291; *Он же*. Об опасностях, сопряженных с применением нового метода. Дополнение к докладу «Об истреблении сусликов» // Там же. С. 292–295.
 - 25 См.: Гамалея Н.Ф. Вибрион Мечникова и его связь с возбудителем азиатской холеры // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 296–300; *Он же*. Вибрион Мечникова. Механизм естественной инфекции // Там же. С. 307–310; *Он же*. Вибрион Мечникова. Усиление его вирулентности // Там же. С. 311–313; *Он же*. Вибрион Мечникова. Локализация его в кишечнике // Там же. С. 314–326.
 - 26 См.: Гамалея Н.Ф. О соотношении Мечникова и холерного вибрионов // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 327–328.
 - 27 См.: *Mazumdar P.* Species and Specificity: An Interpretation of the History of Immunology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 68–96, 98–103.
 - 28 См.: Гамалея Н.Ф. Воспоминания. С. 77.
 - 29 См.: Гамалея Н.Ф. Этиология холеры с точки зрения экспериментальной патологии // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 232.
 - 30 Там же. С. 241, 247, 248.
 - 31 Там же. С. 250–251.
 - 32 См.: Гамалея Н.Ф. О холерной вакцинации // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 332–334.
 - 33 См.: Заболотный Д.К. (совместно с И.Г. Савченко) Опыт иммунизации человека против холеры // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 12.
 - 34 См.: Гиммельфарб Я.К., Гродский К.М. Указ. соч. С. 84.
 - 35 См.: *Leavitt J.W.* «Typhoid Mary» Strikes Back Bacteriological Theory and Practice in Early Twentieth-Century Public Health // *Isis*. 1992. Vol. 83(4). P. 608–629; *Andrew Mendelsohn J.* «Typhoid Mary» Strikes Again: The Social and the Scientific in the Making of Modern Public Health // *Isis*. 1995. Vol. 86(2). P. 268–277; *Porter R.* The Greatest Benefit to Mankind: A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present. L.: Fontana Press, 1997. P. 447.
 - 36 См.: Мечников И.И. Предохранительное действие человеческой крови по отношению к вибриону Коха // Воен.-мед. журн. 1893. Август. Ч. 177. С. 272–294; *Idem.* Recherches sur le cholera et les vibrions: 1. Sur la propriete preventive du sang humain vis-à-vis du vibron de Koch // *Annales de l'Institut Pasteur*. 1893. Т. 7. № 5. P. 403–422; *Idem.* Recherches sur le cholera et les vibrions: 2. Sur la propriete pathogene des vibrions // *Annales de l'Institut Pasteur*. 1893. № 7. P. 562–587 и др. См. также: Мечников И.И. Очерк современного состояния микробиологии холеры (1896) // Академ. собр. соч.: В 16 т. Т. 10. М.: Медгиз, 1959. С. 64–78.
 - 37 См.: Гамалея Н.Ф. О жизни холерных бацилл в воде под влиянием сухости и влажности // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 252–257.

- 38 См.: *Заболотный Д.К.* Материалы к санитарной оценке городских полей орошения в Одессе // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 22–45.
- 39 *Заболотный Д.К.* К вопросу о бактериологии холеры (Из наблюдения над холерной эпидемией 1894 г. в Подольской губернии) // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 54.
- 40 См.: *Гамалея Н.Ф.* Холера и борьба с нею // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 139–219.
- 41 См.: *Гамалея Н.Ф.* Воспоминания. С. 205.
- 42 Там же. С. 209.
- 43 *Гамалея Н.Ф.* Холера // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. С. 229.
- 44 См.: *Мечников И.И.* О мерах личного предохранения против холеры // Академ. собр. соч.: В 16 т. Т. 10. С. 79–84.
- 45 *Заболотный Д.К.* Очерк развития холерной эпидемии 1907–1908 гг. в России и противохолерные мероприятия // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 55, 64.
- 46 См.: *Заболотный Д.К.* Холерная эпидемия 1908–1909 гг. в Петербурге // Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. С. 67–116.
- 47 См.: *Клодницкий Н.Н.* К эпидемиологии холерных заболеваний в г. Самаре // Холерный листок: Издание Самарского губернского земства. 1907. № 3. С. 2–7.
- 48 *Клодницкая С.Н.* Н.Н. Клодницкий, 1868–1939. М.: Гос. изд-во мед. лит., 1956. С. 130.
- 49 См.: *Таранухин В.А.* Очерк холерной эпидемии в г. Самаре в 1907 г. в связи с бактериологическими исследованиями питьевых вод и извержениями больных. СПб.: МВД, 1908.
- 50 См.: *Златогоров С.И.* Наблюдения над холерной эпидемией 1904-го года в Персии. Пути распространения холеры, течение, лечение и предохранительные прививки // Русский врач. 1904. № 48. С. 1622–1625; № 49. С. 1661–1665; *Он же.* О холере 1907 г. в Саратовской губернии // Врачебная газета. 1908. № 12. С. 363–366; № 13. С. 408–414; *Кулеша Г.С.* Случай азиатской холеры в Петербурге в эпидемию 1907 года // Там же. 1908. № 13. С. 405–405.
- 51 См.: *Eckart W.U.* The Colony as Laboratory: German Sleeping Sickness in German East Africa and in Togo, 1900–1914 // History and Philosophy of the Life Sciences. 2002. Vol. 24(1). P. 69–89.

УДК 94(47).084.1:354

«ХАРТИЯ ВОЛЬНОСТЕЙ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ...» (Полицейская провокация по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)

Ю.В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье рассматривается проблема происхождения и эволюции полицейской провокации в политической системе России на рубеже XIX–XX вв. На основе анализа материалов Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства¹, выводов и положений, содержащихся в докладе председателя ЧСК на первом Всероссийском съезде Советов, и др. источников в статье дается оценка роли и значения работы ЧСК по выявлению причин появления и характера взаимовлияния полицейской и революционной провокации в российском освободительном движении в начале XX столетия.

Ключевые слова: полицейская провокация, Чрезвычайная следственная комиссия, Департамент полиции.

«A Charter of Liberties of Department of Police ... » (Police provocation on materials of Extraordinary Committee of investigation of Temporary Government)

Yu. V. Varfolomeev

In article is considered the problem of an origin and evolution of police provocation in political system of Russia on boundary XIX–XX centuries. On the basis of the analysis of materials of Extraordinary Committee of investigation of Temporary Government (ECI), conclusions and the positions containing in the report of chairman ECI

at the first All-Russia congress of Advice is considered, etc. sources in clause the estimation of a role and value of work ECI on revealing the reasons of occurrence and character of interference of police and revolutionary provocation in the Russian emancipating movement in the beginning of the twentieth century is given.

Key words: police provocation, Extraordinary Committee of investigation, Department of police.

Подводя промежуточные итоги работы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, ее председатель Н.К. Муравьев выступил с докладом на Первом Всероссийском съезде Советов 26 июня 1917 г. Обобщая характер инкриминируемых царским сановникам правонарушений, он заявил, что «эти преступления очень несложны в своем юридическом выводе <...> это формула обычного злоупотребления властью, формула бездействия, и еще чаще наиболее типичная формула превышения этой власти»². Наряду с определением многочисленных прегрешений министерства юстиции, еще более впечатляющие разоблачения были выявлены Комиссией в результате расследования деятельности министерства внутренних дел. В первую очередь это касалось Департамента полиции, деятельность которого была эмоционально и лаконично выражена Муравьевым в нескольких словах: «Это сплошное преступление <...> там делается что-то ужасное»³.